

RU

Революционные события 1917 года в восприятии представителей русской литературы (на примере творчества М. Горького)

Чикина И. И.

Аннотация. Цель исследования - проанализировать и обобщить восприятие революционных событий 1917 г. представителем русской литературы М. Горьким и рассмотреть отражение этого процесса в его литературном наследии. Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе архивных материалов, писательских дневников, воспоминаний современников, публицистики, художественных произведений. Анализ источников личного происхождения и публицистики М. Горького дает возможность воссоздать его восторженное отношение к революционным событиям 1917 г., отразить регрессивное изменение взглядов писателя, которое происходило под воздействием революционной действительности, его разочарование и последующее примирение с действительностью. Полученные результаты показали, что душевные противоречия в отношении к революции М. Горького позволяют изучить социально-психологическую природу конкретной эпохи.

EN

1917 Revolutionary Events in the Russian Literature Representatives' Perception (by the Example of M. Gorky's Creative Work)

Chikina I. I.

Abstract. The study aims to analyse and summarise M. Gorky's perception of the 1917 revolutionary events and its embodiment in his literary heritage. Scientific originality of the paper involves a comprehensive analysis of archival materials, writers' diaries, contemporaries' memoirs, literary and publicistic works. By analysing M. Gorky's sources of personal origin and publicistic works, it is possible to recreate his enthusiastic attitude to the 1917 revolutionary events, to capture subsequent regressive change in his views that occurred under the influence of the revolutionary reality, the writer's disappointment in and subsequent reconciliation with the reality. As a result, it is proved that internal contradictions in M. Gorky's attitude to the revolution allow researchers to study socio-psychological nature of the particular epoch.

Введение

Актуальность темы обусловлена повышенным вниманием исследователей к данной исторической эпохе. Несмотря на уже отмеченное столетие революционных событий 1917 г., не прекращаются попытки историков и обществоведов объективно оценить значение этого переломного года русской истории. Досконально изученное за вековую историю фактическое содержание этих событий не уменьшило противоречия их интерпретации. Именно поэтому публицистика, дневники и произведения русских писателей предстают перед современными исследователями в качестве ценного источника, позволяющего изучить не столько событийную, фактографическую суть революционных событий, сколько в первую очередь социально-психологическую природу конкретной эпохи.

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие задачи: во-первых, провести источниковедческий анализ, изучить ранние произведения М. Горького, в которых отражена первичная реакция на эпохальные события; во-вторых, рассмотреть изначальное отношение представителя русской литературы М. Горького к революционным событиям 1917 г.; в-третьих, проанализировать, как меняются взгляды писателя на события революции, под воздействием каких обстоятельств; в-четвертых, понять трансформацию представлений, логику творческой мимикрии и социальную стратегию адаптации к последствиям постреволюционной эйфории М. Горького.

В работе использовался такой метод исторического исследования, как метод актуализации, позволяющий понять, какие обстоятельства влияли на поведение, действия людей; в частности, почему М. Горький как представитель русской демократической интеллигенции менял взгляды на революционные события. Кроме того, применялись такие методы, как теоретический анализ, систематизация и обобщение материалов, сравнение, сопоставление. Теоретической базой послужили публикации В. Б. Аксенова [1], П. В. Басинского [5], В. Л. Львова-Рогачевского [10], Л. О. Резникова [12], А. Б. Удодова [15], в которых анализируется творчество М. Горького и характеризуются события 1917 г.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его основные положения и выводы могут быть использованы для дальнейшего изучения событий 1917 г., реакции на них различных социальных групп и, в частности, русской творческой интеллигенции. Материалы могут использоваться для организации учебного процесса вузов, в разработке специальных курсов по истории России, конфликтологии.

Основная часть

Понимание того, что в России в 1917 г. решался судьбоносный вопрос не только для страны и ее народов, но и, возможно, для всего мира, было присуще большинству представителей творческой интеллигенции. Источником являются произведения признанных мастеров русской прозы и поэзии, в которых они предупреждали об античеловеческой сути самого революционного изменения мира и о губительной цене его возможных последствий (И. А. Бунин, Д. С. Мережковский, М. А. Волошин, Е. И. Замятин и др.). Но были и те, кто приветствовал Февраль и Октябрь 1917 года как предвестников новой, свободной России (Д. Бедный, А. Блок, А. Белый, В. Брюсов и др.). Исследование восприятия русскими писателями революций 1917 г. является ценным источником, позволяющим изучить образно-символическую, социально-психологическую природу конкретной эпохи.

На фоне советской литературы возвышается монументальная в своей канонизированности фигура М. Горького, ставшая одним из официальных символов этой эпохи. «“Буревестник”, “провозвестник”, “пролетарский писатель” – эти определения-аксиомы, не требовавшие никакой дополнительной работы мысли, а лишь незыблемой веры, являют собой самый характерный пример сотворения обществом своеобразного мифа об одном из своих писателей» [2, с. 54].

Сегодня, когда речь идет о насущной необходимости формирования «нового взгляда» на историю отечественной литературы, фигура М. Горького в этом случае выступает как одна из наиболее показательных.

Обращение к М. Горькому прежде всего как к художнику, философу было свойственно еще «домифологическому» периоду на рубеже XIX–XX вв. В литературной критике тех лет представители всех направлений в России и зарубежные литературные критики обращаются к философско-эстетическому аспекту творчества М. Горького. «В этом они, несомненно, были ближе к истине, чем последующие поколения “присяжных” советских критиков» [15, с. 249].

И в обращениях к теме «бывших людей», выламывающихся из привычных рамок общественной структуры, писателю важно было философски исследовать человека почти без сословно-классовых делений, человека, в котором извечно человеческое, родовое начало предстало особенно ярко и наглядно («Бывшие люди», «Фома Гордеев», «На дне» и др.).

Приоритет общечеловеческих ценностей над классовыми проявляется в постановке извечных вопросов человеческого бытия – о соотношении добра и зла, правды и справедливости («Макар Чудра», «Старуха Изергиль», «Песня о Соколе» и др.).

Критик В. Л. Львов-Рогачевский, анализируя творчество М. Горького рубежа XIX–XX вв., выявляет его демократический характер. Критик считает, что об этом говорят достаточно убедительно его образы: «Гимн во славу гордого человека проходит через все драмы Максима Горького. “Человек – это звучит гордо” (“На дне”), “Мы не умеем уважать человека, и это больно и обидно” (“Дачники”), “Человек я или нет!” (“Дети солнца”» [10, с. 201].

С середины 80-х годов XX века мифология о М. Горьком как о пролетарском революционном писателе стала разрушаться мощным потоком новой для массового сознания информации. Это были и неизвестные ранее широкому кругу произведения М. Горького (первоначальные варианты очерка о В. И. Ленине, цикл публицистических статей «Несвоевременные мысли», письма и др.), и воспоминания современников, лично знавших писателя, близких к его окружению (И. А. Бунин, Ю. П. Анненков, Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, В. Ф. Ходасевич и др.).

Становятся известными высказывания М. Горького, где он выражал несогласие с ленинской оценкой романа «Мать».

В своих воспоминаниях М. Горький описывает эпизод, когда вожь, заботясь о здоровье писателя, проверяет, не сырые ли простыни в номере лондонской гостиницы: «А мне-де нужно особенно беречься, потому что я только написал роман “Мать”, вещь будто полезную для русского рабочего и призывающую его на борьбу с самодержавием» [4, с. 196]. Горький не скрывает досады за такой комплимент, так как Ленин видел в работе писателя что-то вроде комитетской прокламации на штурм самодержавия: «Я ведь пытался в моей вещи подойти к нескольким большим, очень б-о-л-ь-ш-и-м проблемам. Оправдание террора, убийств во время революции ведь это большая проблема, ведь нельзя же легко уйти от мысли не пачкать убийством священное дело» [Там же].

Таким образом, мы приходим к выводам о том, что накануне и в ходе Первой российской революции творчество М. Горького развивается на общедемократической основе с приоритетом общечеловеческих ценностей над классовыми. Когда же в 1917 г. «выломившимся» из традиционной социальной структуры оказалось общество в целом, М. Горький, прозорливо угадавший перспективу образования еще более жестких форм общественно-политического устройства, выступил как страстный защитник гуманистического достоинства, накопленного всей цивилизацией, ее общечеловеческих культурных и нравственных ценностей.

Все это лишний раз убеждает в неслучайности выступления писателя в 1917 г. со своими «Несвоевременными мыслями», где моральная проблема наполнилась конкретным социально-историческим смыслом в определении будущих судеб гуманизма.

18 апреля 1917 г. в Петрограде начинает выходить газета «Новая жизнь», и М. Горький стал ее фактическим редактором, здесь же была напечатана первая из статей М. Горького о русской революции.

Всего в газете «Новая жизнь» с апреля 1917 г. по июнь 1918 г. было опубликовано около 80 статей М. Горького, из них 57 были напечатаны под общим названием «Несвоевременные мысли» – с подзаголовком «Заметки о революции и культуре». Книга «Несвоевременные мысли» выпущена в 1918 г. в Петрограде отдельным изданием, незначительным тиражом и в течение 70 лет была обречена на «спецхран». Лишь в 1988 г. в пределах России она снова увидела свет в журнале «Литературное обозрение».

В статьях за апрель-июль 1917 г. М. Горький пишет об отсутствии духовного возрождения: «Всего больше меня поражает и пугает то, что революция не несет в себе признаков духовного возрождения человека, не делает людей честнее... Человек оценивается так же дешево, как и раньше» [9, с. 89].

Стремление Временного правительства продолжать войну спровоцировало апрельский кризис. Критика правительства привела к его отставке. Апрельский кризис показал, что правительство не может игнорировать Советы, которые представляли реальную власть.

20 апреля 1917 года широкой общественности становится известно о так называемой «ноте Милюкова», в которой министр иностранных дел Временного правительства П. Н. Милюков заверял союзников в том, что Россия верна своим обязательствам и будет вести войну до победного конца. В Петрограде начались многочисленные демонстрации с лозунгами: «В отставку Милюкова и Гучкова!», «Долой войну!», «Вся власть Советам!» и другими.

М. Горький уже на следующий день откликается на эти события. Его статья (газета «Новая жизнь») от 21 апреля (4 мая) 1917 г. имеет антивоенное содержание: «На фронте происходит братание немецких солдат с русскими, я думаю, что это вызвано не только физическим утомлением, но и проснувшимся в людях чувством отвращения к бессмысленной войне». М. Горький считает, что отблеск пламени русской революции не мог не зажечь ярких надежд в груди немецкого солдата. Автор верит, что победит здравый смысл демократии: «Да, очевидно, что проклятая война, начатая жадностью командующих классов, будет прекращена силою здравого смысла солдат, т.е. демократии. <...> ...это даст человеку право гордиться собою, – воля его победила самое отвратительное и кровавое чудовище – чудовище войны» [Там же, с. 90].

Горький с первых дней революции говорил о культуре, он считал, что ничто иное не может спасти нашу страну от гибели. «Задача культуры – развитие и укрепление в человеке социальной совести, социальной морали, разработка и организация всех способностей, всех талантов личности, – выполняема ли эта задача во дни всеобщего озверения?» [Там же, с. 91].

«Развивается ли в стране процесс единения разных революционных сил, растет ли в ней энергия, необходимая строительству культуры? Есть признаки, подсказывающие отрицательный ответ» [Там же, с. 92]. Эти вопросы ставит М. Горький в июне 1917 г.

М. Горький главный смысл революции видел в интенсивном культурном развитии, он убежденно заявлял: «Если революция не способна тотчас же развить в стране напряженное культурное строительство, – тогда, с моей точки зрения, революция бесплодна, не имеет смысла, а мы – народ, неспособный к жизни» [Там же, с. 94].

Провал летнего наступления на Юго-Западном фронте и контрнаступление германских войск левые радикалы использовали как повод для развертывания антиправительственной пропаганды. 3 (16) июля в Петрограде начались демонстрации и митинги под лозунгом «Вся власть Советам!». 3-5 июля разогнанные большевиками и анархистами войска петроградского гарнизона предприняли попытку вооруженного переворота. Но первая попытка Советов взять власть потерпела неудачу. После нескольких кровопролитных стычек восстание было подавлено. Все это привело к июльскому кризису.

Писатель подробно описывает эти июльские события и говорит, что на всю жизнь останутся в его памяти отвратительные сцены безумия, охватившего Петроград днем 4-го июля. М. Горький ясно видит эту картину: «Вот, ошестинясь винтовками и пулеметами, мчится, точно бешеная свинья, грузовик-автомобиль, тесно набитый разношерстными представителями “революционной армии”. Среди них стоит встрепанный юноша и орет истерически:

– Социальная революция, товарищи!» [Там же, с. 97].

Как очевидец, писатель отмечает ужасные подробности: «Стреляло человек десять, не более, а остальные, побросав винтовки и знамена на мостовую, начали вместе с публикой ломиться во все двери и окна, выбивая стекла, ломая двери, образуя на тротуаре кучи мяса, обезумевшего от страха» [Там же, с. 98].

Октябрьская революция 1917 г. – явление, особое по своему масштабу, характеру и значительности. Свообразие этого события в том, что Октябрьская революция потрясла и изменила весь мир.

В. Б. Аксенов в своей статье «1917 год в художественном восприятии современников» относит М. Горького к принявшим большевистское правительство. Далее В. Б. Аксенов объясняет это явление психологическими особенностями художественной натуры и относит принявших большевистский переворот к той части творческой интеллигенции, у которой рациональное восприятие окружающей действительности долгое время находилось под властью индивидуального, автономного сознания.

Объяснить частью художественной интеллигенции Октября можно двояко: с точки зрения чувственно-эмоционального восприятия действительности и в контексте общекультурных традиций начала XX в.

С точки зрения чувственно-эмоционального восприятия действительности в сознании части интеллигенции вполне могло произойти отождествление революции культурной с революцией политической. В историографии иногда рассматривают российскую революцию как столкновение модернизма и традиционализма в России, так как и процессы политические, и процессы культурные есть следствие внутренних, сущностных культурно-исторических тенденций, лежащих в основе движущих сил истории.

Октябрьские события нашли свое отражение в творчестве М. Горького с точки зрения чувственно-эмоционального восприятия действительности. «Авторский субъективизм, порождающий идущие из глубины души, сердца символы и образы, как это ни парадоксально, зачастую наиболее адекватно и, следовательно, объективно, отражает те явления, которые лежат в ментальной сфере, связаны с психикой, чувствами людей. В качестве ярчайшего примера в данном случае выступает проблема насилия в революции. Пожалуй, ни о чем другом у поэтов, художников, ученых не складывалось столь солидарного мнения, для выражения которого они использовали порой одни и те же образы. Многие писатели данного периода используют образ грузовика как символ анархии» [1, с. 99].

Этот символ запечатлелся в сознании М. Горького еще в июльские события 1917 г., а накануне Октябрьской революции, 18 октября 1917 г., когда стали распространяться слухи о готовящемся выступлении большевиков, Горький изобразил наиболее вероятный ход событий: «Все настойчивее распространяются слухи о том, что 20-го октября предстоит выступление большевиков – иными словами: могут быть повторены отвратительные сцены 3-5 июля. <...> Весьма вероятно, что на сей раз события примут еще более кровавый и погромный характер, нанесут еще более тяжкий удар революции» [7 с. 136]. Творческое воображение М. Горького оказалось прогностичным, его предсказания сбылись. Октябрьские события приняли еще более кровавый и погромный характер. Как прозорливо угадал писатель, эта бессмысленная бойня, которая подорвала моральное значение революции, пошатнула надежды творческой интеллигенции на ее культурный смысл.

«Грузовик – как символ анархии, как нашествие грубой черни используют А. Блок, И. Бунин и др. Именно образное восприятие действительности помогает творческим личностям тонко прочувствовать социально-психологическую ситуацию данного периода, а использование несколькими поэтами с несхожими политическими пристрастиями одного и того же символа в одном и том же контексте позволяет говорить об исторической объективности их свидетельств» [1, с. 96].

К концу 1917 г. положение в обществе было таково, что проигнорировать анархию, творящуюся в стране, было невозможно. Поэтому оценки происходящего представителями литературы становятся все более резкими.

Октябрьская революция сделала неизбежной конфронтацию бывших союзников по литературе. Ненависть к революции заставила З. Н. Гиппиус, Д. М. Мережковского, И. Бунина порвать с теми, кто ее принял, – с Блоком, В. Брюсовым, А. Белым. Но были и те, кто занял нейтральную позицию. Кроме того, некоторые принявшие Октябрьскую революцию позднее стали эмигрантами, а затем реэмигрантами. История идейных коллизий, которые привели к такому противостоянию, очень сложна.

Часть творческой интеллигенции постепенно приходит к осознанию событий окружающей действительности. Возвращение к реальности происходило под воздействием усилившегося террора, роста преступности, насилия. У многих представителей творческой интеллигенции рациональное восприятие выходит из-под власти индивидуального, автономного сознания.

Из дневника З. Гиппиус от 05.11.1917 года узнаем, что М. Горький в эти дни производит страшное впечатление, говорит – будто глухо лает, называя мерзавцами Ленина и Троцкого [8, с. 41].

Н. Валентинов в дооктябрьский период был единомышленником Ленина, затем эмигрировал. По утверждению Н. Валентинова, тесно общавшегося с М. Горьким в этот период, а затем ставшего в эмиграции одним из его биографов, общая программа, вокруг которой Горький намеревался собрать разные группы интеллигенции, и особенно писательскую братию, была совсем не марксистской, а чисто просветительской, в духе развития идей Белинского и Добролюбова. Н. Валентинов делает вывод: «Для этой программы он и хотел подчинить своему влиянию самое большое издательское дело России. И если бы не произошла революция, замысел Горького, конечно, осуществился бы» [7, с. 136].

Ю. Анненков, близко наблюдавший М. Горького в начале века, а затем в период 1917-1920 годов, в своем очерке о нем, написанном уже в эмиграции, решительно выступает против мнения о том, что талант писателя имеет «пролетарские» истоки. Называя М. Горького «джентльменом», Ю. Анненков видит заслугу, почти гражданский подвиг писателя прежде всего в том, что он в годы революции сумел спасти жизнь – а порой и достояние – многим представителям русской аристократии. При этом Ю. Анненков подчеркивает мысль об органической чуждости революции М. Горькому, который Маркса презрительно именовал «Карлушкой», а Ленина – «дворянчиком» [3, с. 463].

К. И. Чуковский в связи с этим говорит о социальной маргинальности Горького и его сознания – он всюду «между» и всем чужой [17, с. 161].

А вот другой современник, также оказавшийся в эмиграции и разделивший ее в начале 1920-х годов с самим М. Горьким, был гораздо более суров по отношению к «брату-писателю». В очерке о М. Горьком поэт и один из ведущих литературных критиков Русского Зарубежья 1920-1930-х годов В. Ходасевич расценивает возвращение М. Горького в СССР как «продажу самого себя своим злейшим врагам» [16, с. 172]. В. Ходасевич заключает, что М. Горький погубил сам себя, вынося окончательный приговор писателю, как бы перечеркивая его талант за сговор с советской властью.

Нужно отметить, что такая позиция ниспровержения М. Горького не более близка к истине, чем «горькая правда» об отшатнувшемся от народа писателе, высказанная в большевистской печати в 1917 году в связи с публикацией «Несвоевременных мыслей».

В течение ноября-декабря 1917 г. высказывания М. Горького в газете «Новая жизнь» (цикл «Несвоевременные мысли») становились все более резкими по отношению к новой власти, он пишет: «Заставив пролетариат согласиться на уничтожение свободы печати, Ленин и приспешники его узаконили этим для врагов демократии право зажимать ей рот; грозя голодом и погромами всем, кто не согласен с деспотизмом Ленина-Троцкого, эти “вожди” оправдывают деспотизм власти, против которого так мучительно долго боролись все лучшие силы страны» [9, с. 106].

26 октября 1917 г. в числе других буржуазных газет была закрыта и газета «Речь». Горький, считая такие действия противоречащими демократии, выступил со словами: «Лишение свободы печати – физическое насилие, и это недостойно демократии... <...> Пугать террором и погромами людей, которые не желают участвовать в бешеной пляске Л. Троцкого над развалинами России – это позорно и преступно» [Там же, с. 107].

3 ноября 1917 г. после кровопролитных боев большевики пришли к власти и в Москве. По всей стране началось становление власти Советов.

М. Горький как очевидец этой «Московской бойни», которая была «кошмарным кровавым избиением младенцев», передает свой страшный репортаж: «С одной стороны – юноши красногвардейцы, не умеющие держать ружья в руках... <...> С другой – ничтожная количественно кучка юнкеров, мужественно исполняющих свой “долг”, как это было внушено им».

Писатель называет наглой ложью мнение о том, что все юнкера – дети помещиков, и считает, что принадлежность к тому или иному классу не решает поведения человека. М. Горький напоминает вождям большевиков об их происхождении: «Тогда Симбирский дворянин Ульянов-Ленин должен стоять в рядах российских аграриев... а Бронштейн-Троцкий – заниматься коммивояжерством». В конце автор сокрушенно восклицает: «Ужасно положение юношества в этой проклятой стране!» [Там же, с. 109].

С 4 ноября по 31 декабря 1917 г. «Правда» четырежды выступила с критикой «Новой жизни», называя Горького «гробокопателем революции». М. Горький был объявлен «рenegатствующим интеллигентом», обреченным остаться «в архиве истории». В Петроградской газете «Рабочий путь» напечатана статья И. Сталина (за три дня до Октябрьского восстания), в которой говорилось в адрес писателя: «Революция знала много авторитетов. Но она безжалостно отбрасывала в небытие громкие имена и авторитеты, если они отказывались учиться у нее. Мы боимся, что Горького потянуло к ним, в архив. Что же, вольному воля... Революция не умеет ни жалеть, ни хоронить своих мертвецов...» [12, с. 193].

Писатель продолжает критиковать власть. К личности Ленина Горький обращается в статье от 10 ноября 1917 г. «Вниманию рабочих» и отмечает, что Ленин обладает всеми свойствами «вождя», а также и необходимым для этой роли отсутствием морали и чисто барским, безжалостным отношением к жизни народных масс. Писатель смело заявляет: «Он считает себя вправе проделать с русским народом жестокий опыт, заранее обреченный на неудачу...» [9, с. 98].

М. Горький в статье «Плоды демагогии» (5 (18) января 1918 г.) пишет о том, что «Новая жизнь» будет критиковать правительство Народных Комиссаров, как и всякое другое правительство. Далее писатель утверждает: «В нашей стране нет должных условий для введения социализма... правительство Смольного относится к русскому рабочему, как к хворосту: оно зажигает хворост для того, чтоб попробовать – не загорится ли от русского костра общеевропейская революция?» [Там же, с. 110].

В статье от 11 (24) января 1918 г. «Интеллигенту из народа» М. Горький отвечает на обвинения в газете «Правда», которая упрекает его в том, что он отвернулся от социальной революции только потому, что не рассмотрел в первые дни ее подлинного прекрасного лица. Гневно звучит ответ писателя: «Чему радоваться? Тому ли, что истинно революционный, но количественно ничтожный российский пролетариат истребляется в междоусобной войне на юге? Тому ли, что его рабочая интеллигенция, плоть от плоти его, терроризируется темной массой и тонет в ней, не имея сил влиять на нее? Тому ли, что промышленность страны, – разрушенная в корне, – делает невозможным дальнейший рост рабочего класса?» [Там же с. 112].

Далее писатель подчеркивает преждевременность, беспочвенность социальной революции, так как пролетариат еще малочисленный и гибнет в междоусобице. Возмущенно звучат слова М. Горького: «С кем будете вы творить социальную революцию – с крестьянством? С солдатом? Штыком и пулей? – Поймите, – сейчас идет не процесс социальной революции, а надолго разрушается почва, которая могла бы сделать эту революцию возможной в будущем». Горький снова обвиняет вождей пролетариата в утопичности: «Вожди пролетариата, – как я не однажды говорил, употребляют его как горючий материал, чтобы зажечь общеевропейскую революцию» [Там же, с. 113].

Горький продолжает критиковать политику Ленина.

«Слепые фанатики и бессовестные авантюристы сломя голову мчатся якобы по пути к “социальной революции” – на самом деле это путь к анархии, к гибели пролетариата и революции» [Там же, с. 114].

В феврале 1918 г. ВЦИК принял «Основной закон о социализации земли», по которому весной началась реализация Декрета о земле. Декрет декларировал отмену частной собственности на землю (ст. 1), превращение высококультурных хозяйств в показательные государственные или общественные имения (ст. 3, 4), остальные земли подлежали разделу; раздел конфискованной земли должен был производиться по трудовой или потребительской норме с периодическими переделами (ст. 7, 8).

Горький подверг резкой критике деятельность правительства. Писатель считал, что современная действительность не дает условий для реализации издаваемых декретов: «Декреты правительства народных комиссаров – газетные фельетоны, не более того. <...> Отрицательных явлений много, – а где же положительные? Они не заметны, если не считать “декретов” Ленина и Троцкого, но я сомневаюсь, чтоб пролетариат принимал сознательное участие в творчестве этих декретов» [Там же, с. 115].

Полемические, резко оппозиционные по отношению к советской власти статьи М. Горького в газете «Новая жизнь» начинают особенно часто публиковаться с конца марта и на протяжении апреля – мая 1918 г.

«Страшный научный эксперимент над живым телом России». Такое определение революции дает Горький в «Несвоевременных мыслях» (апрель 1918 г.) [Там же, с. 116].

М. Горький продолжает говорить о чрезмерной политизации общества, о гибели духовности. В статье от 1 июня (19 мая) 1918 г. («Новая жизнь») он пишет о том, что умирает Петроград как центр духовной жизни. Горький призывает к борьбе с процессом физического и духовного истощения интеллигенции, так как она является мозгом страны. М. Горький утверждает: «Никогда еще этот мозг не был так нужен и дорог, как в наши дни» [Там же, с. 117].

В заметке от 4 июня (22 мая) 1918 г. писатель настаивал на том, что только наука и искусство облагораживают наш звериный быт. На страницах своей газеты он писал почти ежедневные заметки, создавая хронику событий «фантастически дикой современности». Горький убежденно заявляет: «Необходимо принять высочайшие достижения творцов науки, искусства, все драгоценное мира, все сокровища его духа, все, что имеет силу перевоспитать человека, поднять его, творца фактов, над фактами. <...> А поместив человека в свиной хлев – глупо требовать, чтобы он был ангелом. <...> Где слишком много политики, там нет места культуре» [Там же, с. 118].

В своем выступлении на московском публичном собрании общества «Культура и свобода» (30 (17) июня 1918 г.) писатель говорит о том, что из многомиллионной массы темных людей, лишенных представления о ценности жизни, можно выделить лишь незначительные тысячи так называемой интеллигенции, то есть людей, сознающих значение интеллектуального начала в историческом процессе. М. Горький утверждает: «Эти люди, несмотря на все их недостатки, самое крупное, что создано Русью на протяжении всей ее трудной и уродливой истории, эти люди были и остаются поистине мозгом и сердцем нашей страны» [6, с. 108].

В это трагическое время, уже насыщенное насилием и кровью, Горький призывал к гуманности, не боялся сказать правду Ленину о том, что поголовное истребление несогласномыслящих – это старый, испытанный прием внутренней политики российских правительств, начиная от Ивана Грозного до Николая II. Писатель откровенно заявляет: «Ленин... не побрезгует ничем для искоренения врагов» [9, с. 119].

С «Новой жизнью» Горького боролись ожесточенно, в газете «Правда» писателя называли «изменником революции», «клеветником», притом делалось это с одобрения Ленина. Авторы газеты «Правда» писали: «...статьи Горького – это репортаж, поставленный на службу контрреволюции» [13, с. 74].

Уже в последних статьях «Несвоевременных мыслей» М. Горький пишет о своем ответе газете «Петроградская правда», которая спрашивала писателя, не согласится ли теперь Горький, что многие из мыслей, высказывающихся им ранее, были действительно «несвоевременными»? Писатель отвечает: «Нет, не соглашусь. Все то, что я говорил о дикой грубости, о жестокости большевиков, восходящей до садизма, о некультурности их, о незнании ими психологии русского народа, о том, что они производят над народом отвратительный опыт и уничтожают рабочий класс – все это и многое другое, сказанное мною о большевизме, остается в силе» [5, с. 179].

В архиве М. Горького мы находим его раздумья, доверенные только записной книжке: «Меня все более одолевает и волнует жалость к человеку – безразлично, каков он. Особенно больно жалеешь людей талантливых и честных. Невыносимо трудно им и будет всё трудней. Вероятно, не было эпохи, когда бы честный человек являлся в такой ужаснейшей степени лишним человеком, как он является в наши дни» [4, с. 201].

Все эти суждения из мыслей для себя актуальны и для нас сегодня...

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что в оценках тех или иных событий у деятелей русской литературы доминирует субъективизм, однако именно он позволяет изучить не столько событийную, фактографическую суть революционных событий, сколько психологическую атмосферу общества в связи с теми или иными событиями конкретной эпохи.

Заключение

Творческое наследие крупнейшего представителя русской литературы М. Горького велико. Рассмотренные вместе архивные материалы, художественные произведения и публицистика писателя открывают перед нами потрясающую по изобразительной силе картину революционной действительности и предстают перед современными исследователями в качестве ценного источника, позволяющего изучить социально-психологическую природу конкретной эпохи.

Отмеченные выше частные противоречия в отношении к революции русских писателей, публицистов, мыслителей отнюдь не снижают ценности данной социальной группы как свидетелей революционных событий 1917 года.

Таким образом, мы приходим к выводам о том, что на основе комплексного исследования архивных материалов, писательских дневников, воспоминаний современников, публицистики и художественных произведений русского советского писателя М. Горького достаточно ясно воссоздается его восторженное и полное надежд отношение к революционным событиям 1917 г. Последующие пессимистические изменения взглядов писателя на перспективы социальных перемен происходят под воздействием революционной и советской действительности.

М. Горький при всей сложности и противоречивости собственного мировоззрения поднялся на высочайший уровень осмысления общечеловеческих ценностей.

Судьба русского писателя так же драматична, как и сама история русской революции. Но в суровом и скорбном раздумье писателя-пророка о судьбах отечества неизменно присутствует вера в грядущее возрождение России.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более обширной выборке и изучении источников личного происхождения М. Горького, а также таких известных сложной судьбой биографий русских писателей и поэтов, как И. Бунин, А. Блок, М. Волошин, А. Ремизов, Е. Замятин и др.

Источники | References

1. Аксенов В. Б. 1917 год в художественном восприятии современников // Отечественная история. 2002. № 1. С. 96-101.
2. Алейников О. Ю., Корниенко Н. Г., Удодов А. Б. Пророки вне закона, или Апокалипсис революции: учеб. пособие для вузов. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. пед. ун-та, 1995. 169 с.
3. Анненков Ю. П. Дневник моих встреч: цикл трагедий. М.: Вагриус, 2005. 736 с.
4. Архив Горького: в 16-ти т. М.: Наука, 1969. Т. 12.
5. Басинский П. В. Логика гуманизма. Об истоках трагедии Максима Горького // Вопросы литературы. 1991. № 2. С. 173-182.
6. Вайнберг И. Во имя революции и культуры // Литературное обозрение. 1988. № 9. С. 105-113.
7. Валентинов Н. Встречи с Горьким // Новый журнал. 1965. № 78. С. 136-137.
8. Гиппиус З. Н. Петербургский дневник. М.: Олимп, 1991. 125 с.
9. Горький М. Несвоевременные мысли // Литературное обозрение. 1988. № 10. С. 87-121.
10. Львов-Рогачевский В. Л. Максим Горький // Русская литература XX века. 1890-1910: в 2-х кн. / под ред. проф. С. А. Венгерова. М.: Изд. дом «XXI век – согласие», 2000. Кн. 1 (Т. 1-2). С. 198-227.
11. Мушченко Е. Г., Удодов А. Б., Цымбалистенко Н. В. и др. Русская литература XX века: поиск ориентиров: учебник. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. пед. ун-та, 1995. 192 с.
12. Резников Л. О книге М. Горького «Несвоевременные мысли» // Нева. 1988. № 1. С. 186-194.
13. Современные мысли, или Пророки в своем отечестве / сост. М. С. Глинка. Л.: Лениздат, 1989. 205 с.
14. Удодов А. Б. Временник 1917-1930. История русской литературы в событиях, фактах, комментариях. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. пед. ун-та, 1994. 169 с.
15. Удодов А. Б. М. Горький: преодоление мифа // Литература в школе. 1991. № 4. С. 248-257.
16. Ходасевич В. Ф. Горький // Октябрь. 1989. № 12. С. 171-189.
17. Чуковский К. И. Дневник (1918-1923) // Новый мир. 1990. № 7. С. 154-163.
18. <https://www.nastroy.net/post/biografiya-m-gorkogo-aleksey-maksimovich-peshkov-lichnaya-jizn-i-tvorchestvo> (дата обращения: 15.07.2021).

Информация об авторах | Author information

Чикина Ирина Ивановна¹

¹ Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г. Ф. Морозова

Chikina Irina Ivanovna¹

¹ Voronezh State University of Forestry and Technologies named after G. F. Morozov

¹ ira.chikina.62@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 16.07.2021; опубликовано (published): 15.09.2021.

Ключевые слова (keywords): революционные события 1917 г; публицистика; восприятие революции; М. Горький; эволюция взглядов; 1917 revolutionary events; publicistic works; revolution perception; M. Gorky; evolution of views.